

ПРАЧКА
для
ГЕНЕРАЛА

18+

Ати Майлик

Прачка для Генерала

«Автор»

2026

Майлик А.

Прачка для Генерала / А. Майлик — «Автор», 2026

— Ты даже не сможешь умолять о смерти, потому что я отрежу тебе язык,
— раздался над моим ухом сухое, ядовитое шипение. Я не видела его
лица сквозь пелену слез и грязи, но знала: верховный маг здесь. Пальцы
тирана стальной хваткой сжали мой подбородок:— Ты хотя бы понимаешь,
животное, чьё платье ты посмела надеть? — Это... это был спор... —
вытолкнула я через силу, едва шевеля губами. — Девочки из прачечной...
Они закрыли дверь... Они вылили ведро... — Молчать, — ледяной тон
заставил застыть воду в чанах. — Отдайте её солдатам в дальний гарнизон.
Пусть позабавятся.***Пять лет в чужом мире я, бывшая воспитательница,
притворялась тихой, незаметной прачкой, лишь бы выжить. Но один глупый
спор, разорванный шёлк чужого подвенечного платья разрушили мою
маскировку. Меня бросили на потеху гарнизонным легионерам. Как найти
выход?

© Майлик А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1	5
2	7
3	9
4	11
5	13
6	15
7	17
8	19
9	21
10	23
11	25
12	27
13	29
14	31
15	33
16	35
17	37
18	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ати Майлик

Прачка для Генерала

1

— Ты даже не сможешь умолять о смерти, потому что я отрежу тебе язык, — раздался над ухом не голос, а сухое, ядовитое шипение.

Я не видела его. Я вообще ничего не видела — только мутную пелену слёз и грязи, заставшую глаза, — но всё моё существо, каждая клетка тела, каждый нерв, знали: он здесь. И от этого знания по позвоночнику поднималась ледяная волна, от которой отнимались ноги и пересыхало во рту.

Шёлковая ткань пышного, вышитого серебряными нитями и крошечными речными жемчужинами платья липла к телу намокшим, зловонным саваном. Запах гниющих овощных очистков, помоев и застоявшейся мыльной воды с резкой примесью аммиака вёлся в кожу, смешался с ароматом дорогой парфюмерной эссенции, которой было пропитано шитьё. Влажный, склизкий капустный лист сполз по плечу, оставив тёмный, сальный след на юбке цвета топлёного молока.

Раньше — ещё каких-то полчаса назад — это платье казалось мне произведением искусства. Тяжёлый шёлк, прохладный и гладкий, струился между пальцами, как вода. Серебряная нить поблёскивала при свечах прачечной. Речной жемчуг переливался розовато-серым перламутром, и я, дура, провела по нему рукой, чувствуя подушечками пальцев его крошечные, идеально ровные выпуклости. Тогда девочки из прачечной смеялись — весело, заливисто, хватаясь за животы. «Надевай, надевай, Иви! Ты только глянь, какая красота. Примерь — и три золотых твои. Ну? Или боишься, что не сойдётся?» Я надела. И они вылили на меня ведро.

... Он стоял неподвижно, и само его присутствие вытесняло воздух. Имя Совраина Алинера не произносили вслух — его боялись шептать даже пьяные солдаты в трущобах, опасаясь привлечь внимание чёрного тирана.

Его пальцы сжались на моём подбородке. Боль была такой, будто кости челюсти вот-вот треснут.

Я попыталась отшатнуться, но не смогла — он держал крепко, как держат вещь. Как держат то, что не имеет права на сопротивление. Ногти, коротко и аккуратно подстриженные, впились в кожу под челюстью, и я почувствовала, как по шее, вниз, к ключице, потекла тонкая струйка — то ли кровь, то ли просто влага от немытой кожи, сдавленной чужими пальцами.

— Ты хотя бы понимаешь, животное, чьё это платье?

Я попыталась глотнуть воздуха, но горло перехватило судорогой. Глаза резало от слёз и помойной грязи, попавшей на веки. Руки, вцепленные в край тяжёлого деревянного стола, тряслись так, что ножки стола дробно стучали по каменному полу подсобки.

Я знала, чьё это платье.

Все знали, чьё это платье.

— Ваше... Ваше Высокопреосвященство... — вытолкнула я через силу, едва шевеля губами. Слюна смешалась с кровью от прикушенной изнутри губы. — Это... это был спор... Девочки из прачечной... Они закрыли дверь... Они вылили ведро...

Слова выходили рваными, короткими, как выдохи умирающего. Я понимала, что говорю ерунду. Что оправдания здесь не сработают.

— Молчать, — не повышая тона, произнёс Алинер. Но от этого «молчать» по стенам тесной комнаты прачечной, среди чанов с кипящей водой и горок щелочного мыла, пробежала волна инея.

Я почувствовала, как холод пополз по полу, обвиваясь вокруг моих босых лодыжек. Вода в ближайшем чане покрылась тонкой коркой льда. Мыльная пена, висевшая на краю, застыла, превратившись в белую, хрупкую, ломкую массу. Магия. Настоящая, живая, страшная магия, о которой раньше, в моём прежнем мире, — мире электричек, детских утренников и просроченного кефира в холодильнике — я не знала ничего. Здесь она была воздухом. Здесь она была кровью. И она подчинялась ему.

— Ты посмела надеть убранство Агвории? Ты, чья жизнь не стоит и той шёлковой нити, которой подшит этот подол?

Он сжал подбородок ещё сильнее, заставляя меня запрокинуть голову. Мои русые волосы, вымокшие в помоях, тяжёлыми плетями свисали вдоль спины. Я смотрела в его серо-жёлтые, полностью лишённые человеческого тепла глаза и видела в них не просто гневливого аристократа. В них была зияющая бездна, для которой смерть человека — менее заметное событие, чем давка мухи на подоконнике.

2

Я искала в этом взгляде хоть что-то. Гнев — да, он будто бы был. Но гнев — это эмоция, а эмоция — это человеческое. А в его глазах не было человеческого. Только пустота, затянутая тонкой плёнкой вежливости, как тонким льдом затянута чёрная вода. Если наступить — провалишься. И никто не услышит всплеска.

— Я прошу... простите... — сильный выдох вырвался из груди. В глазах темнело от нехватки кислорода. Алёна Смирнова, тридцать девять лет, бывший воспитатель с нормальной, понятной жизнью, умершая от нелепого удара током в ванной, сейчас сжалась в самый дальний угол сознания двадцатипятилетней Ивилии Халевилл. Здесь не было полиции, не было законов, не было защиты. Был только этот лишающий рассудка страх перед существом, обладающим абсолютной властью.

— Простите? — маг слегка наклонил голову набок, с едва уловимым любопытством рассматривая, как по моей щеке ползёт грязная капля. — Прощения достойны лишь те, кто обладают властью. А ты — грязь под сапогами.

Он резко разжал пальцы. Я рухнула на колени, едва не ударившись лбом о край чугунного чана. Намокший шёлк платья невесты тяжело хлопнул по мокрым каменным плитам.

— Поднимите её, — небрежно бросил Алинер, вытирая пальцы белоснежным платком.

Двое стражников в тяжёлых стальных латах, украшенных чеканным гербом в виде коронованного ворона, шагнули вперёд. Их кожаные перчатки мёртвой хваткой впились в мои плечи. Я попыталась закричать, когда шёлк подвенечного платья с треском порвался на спине — стражники просто рывком поставили меня на ноги.

Треск шёлковой нити прозвучал в тишине подсобки так отчётливо, так оглушительно, что мне показалось — лопнула не ткань. Лопнуло что-то во мне. То тонкое, хрупкое, что ещё держало меня на поверхности, не давало утонуть в панике. Трещина пошла по самому краю сознания, и я почувствовала, как оттуда, из этой трещины, поднимается что-то тёмное, липкое, звериное. Не страх. Хуже. Готовность. Готовность на всё, лишь бы это прекратилось.

— Казнь... слишком просто и быстро. Смерть не научит тебя уважению к высшим, — маг сделал шаг вперёд, приподнимая носком своего изящного кожаного туфля край измазанного подола. — Прачечная королевского двора слишком милосердна для такого ничтожества. С этого момента Ивилия Халевилл... разжалована.

— Я согласна на любую работу! — выкрикнула я, захлёбываясь слезами. — Я буду стирать ветошь! Я буду таскать воду!

— Ты будешь мыть полы, — перебил меня Алинер. — В дальнем гарнизоне.

Он повернулся к стражникам, его губы искривились в тонкой ухмылке.

— Отдайте её начальнику третьей роты. Скажите, что это подарок от верховного мага.

— Но, милорд... — попыталась вмешаться стоящая в углу пожилая домоправительница, вся дрожащая от ужаса. — В том гарнизоне сотня обозлённых, несемейных солдат...

— Вот именно, — хладнокровно отрезал Алинер, повернувшись к выходу. — Солдатам давно не хватало женщины. Пусть позабавятся. Посмотрим, сколько дней эта дрянь протянет, прежде чем начнёт вымаливать смерть.

— Нет! Пожалуйста! Нет! — безумный крик вырвался из моих лёгких.

Я начала биться в руках стражников. Острые ногти царапали жёсткую кожу их перчаток, я пыталась упереться ногами в скользкий пол, но солдаты не знали пощады. Меня потащили по длинному, тёмному коридору прачечной. Мимо проплывали бледные, искажённые страхом лица других прачек — тех самых, что полчаса назад на спор заставили меня накинуть это проклятое платье, а потом со смехом вылили ведро со склизким мусором. Сейчас они прятали глаза, сжимая в руках деревянные вальки и тряпки. Никто не вступился. Никто не издал ни звука.

Дверь, оббитая железом, вытолкнула нас на холодный, сырой воздух.

Свинцовое небо Локсона, столицы королевства Адонтир, — давило. Моросил мелкий дождь. Меня швырнули в деревянную повозку, закрытую сзади ржавой решёткой.

Колёса застучали по булыжной мостовой. За решёткой проплывали мрачные каменные фасады, тёмные шпили, утопающие в копоты уличных факелов и дыме магических жаровен. А затем город изменился. Избавленные от роскоши центральные улицы сменились тошнотворными переулками.

3

Но самым жутким были не улицы. Рядом с повозкой гарцевали конвоиры. Они сидели верхом не на обычных лошадях. Под ними были магры — жуткие, костистые существа, напоминающие помесь гигантских лошадей и хищных ящеров. Их чешуя тёмно-изумрудного цвета блестела под каплями непрерывного дождя, а из ноздрей вырывался сизый пар. Когда один из магров глухо зарычал, наступив массивной лапой на булыжник, моя душа ушла в пятки. Это был мир, где магия служила лишь инструментом угнетения, а существа были порождением кошмаров.

Один из магров повернул голову в мою сторону. У него были глаза слишком разумные для зверя. Горизонтальные зрачки, золотистая радужка, тонкая пленка, которая на секунду скользнула по главному яблоку и снова убралась. Он смотрел на меня, как смотрит хозяин на вещь, которую перевозят. Равнодушно. Оценивающе. Я видела, как под чешуёй перекачиваются мышцы. Как вздуваются и опадают бока. Как из приоткрытой пасти, усаженной двумя рядами коротких, но острых зубов, свисает тонкая нить слюны. Он с лёгкостью раздавит повозку и разорвёт человека в одно движение челюстей.

Гарнизон встречал серыми, закопчёнными стенами из грубого дикого камня.

Меня вытолкнули из повозки прямо в грязь внутреннего двора. Мокрое, изгаженное платье уже не защищало от пронизывающего ветра.

— Смотри-ка, чё привезли! — раздался гогот откуда-то со стороны казарм.

— Это чья такая красавица? Из борделя за долги пригнали?

— Да какая красавица, вся в дерьме вымазана! Но грудь ничего!

Насмешки, косые, липкие взгляды десятков мужчин в мундирах облепили меня, словно мухи. Я пыталась прикрыть грудь руками — рваная ткань едва держалась. Я сжала зубы так, что в ушах зазвенело. Не плакать. Не показывать им слабость. Если я сломаюсь сейчас — меня разорвут на куски.

Едва стражники передали бумагу местному капралу — рябому мужику с сальными усами, — меня без лишних слов заставили работать.

— Нечего прохлаждаться! — гаркнул капрал, тыча мне в лицо обломанной шваброй и тяжёлым деревянным ведром. — Начиная с конюшен и заканчивая казарменным коридором. Чтобы к ночи всё блестело. Не вымоешь — еду не получишь. И не вздумай попасться на глаза генералу Кандеру Барнигану. Он с тобой церемониться не будет.

День превратился в бесконечную, изнурительную пытку. Я драила ледяной водой каменные плиты, пока ногти не начали кровоточить, а пальцы не потеряли чувствительность от холода. Вода в ведрах покрывалась тонкой коркой льда. Каждые пять минут кто-то из проходивших мимо солдат считал своим долгом задеть меня сапогом, «случайно» выплеснуть грязную воду прямо на вымытый участок или схватить за бедро.

— Эй, прачка, плохо трёшь! Давай ниже нагибайся, нам получше видно должно быть!

— Смотри, как дрожит! Может, пригреть тебя, замарашка?

Я молчала. Я глотала слёзы, перемешанные с потом и грязью, судорожно сжимая в руках тряпку. Моё тело пронзала тупая, ломающая боль в пояснице, а ум судорожно искал выход. Но выхода не было. Высокие каменные стены, решётки, вооружённые стражники и магры у ворот.

Конюшни — первое, что мне досталось. Восемь денников, каждый — с земляным полом, пропитанным мочой и навозом. Я вычищала навоз лопатой, потом скребла пол, потом мыла стены, потом снова вычищала навоз, потому что лошади — или кто там стоял в денниках, я старалась не смотреть, — гадили с завидной регулярностью. От запаха — тяжёлого, густого, оседающего в лёгких — кружилась голова. От холода — от того самого ледяного холода, который поднимался от каменного пола и обвивал ноги, — сводило мышцы. Я работала час, два, три. Спина горела. Руки не слушались. В какой-то момент я поймала себя на том, что просто стою, опершись на швабру, и смотрю в одну точку, не в силах пошевелиться.

«Очнись, — сказала я себе. — Очнись, Алёна. Очнись, Ивилия. Очнись, кто угодно, только очнись».

Я очнулась. И продолжила мыть.

4

Когда стемнело, и силы окончательно покинули меня, капрал пинком указал мне на крошечную подсобку в конце длинного казарменного коридора. Это был даже не чулан — узкая ниша под каменной лестницей, где хранились дырявые вёдра, старая ветошь и прелая солома.

— Спать тут будешь. До утра свободна, — ухмыльнулся он.

Я заскочила внутрь и тут же оглядела дверь. На ней не было замка. Ни засова, ни крючка. Только ржавая дверная ручка, которая болталась на одном согнутом гвозде.

Сердце забилося в груди. Я опустилась на вонючую солому, поджав колени к подбородку. Холод пробирал до костей. Мокрая одежда заledenела, превратившись в жёсткую корку. Снаружи, за тонкой деревянной перегородкой, гремели пьяные голоса, раздавался хохот, стук деревянных кружек и ругань. Спать было невозможно. Каждый шаг в коридоре отзывался паническим страхом в животе.

Я сидела в темноте и считала. Считала шаги. Считала удары сердца. Считала секунды до следующего звука.

Прошло, наверное, часа два. Тьма в подсобке была абсолютной. Лишь из щели под дверью пробивалась тусклая полоса жёлтого света от масляного фонаря.

Вдруг шаги снаружи замедлились. И остановились прямо перед моей дверью.

Дверная ручка медленно, с противным скрипом поползла вниз.

Я замерла, перестала дышать. Во рту пересохло.

Дверь отворилась. В проёме появились две грубые фигуры. От них на метры разило дешёвым сивушным пойлом, перегаром и немытым потом. Один из них держал в руках огарок свечи, осветивший моё сжавшееся в углу тело.

— О, а вот и наша королевская мадмуазель, — заржал тот, что был шире в плечах, с перебитым носом. — А мы думали, ты уже околела от холода.

— Давай, потеснись, красавица, — второй, худой, с гнилыми зубами, шагнул в подсобку, растёгивая на ходу ремень. — Капрал сказал, ты тут для нашего удобства. Мы ненадолго.

— Не подходите... — выдохнула я, вжимаясь в сырую каменную стену. Вокруг не было ничего, чем можно было бы защититься. Только трухлявая солома. — Не подходите, я буду кричать!

— Кричи, сколько влезет, милая, — усмехнулся широкий, хватая меня за лодыжку и рывком подтягивая к себе. — Тут до города три мили, а парням снаружи только весело будет!

Его пальцы впились в мою голень с такой силой, что я визгнула от боли. Намокшая ткань платья окончательно треснула, обнажая бедро. Я начала отчаянно брыкаться, цепляясь руками за выступы в камнях, второй ногой ударила его прямо в лицо. Солома взлетела в воздух.

— Ах ты, тварь! — рявкнул он, утирая разбитую губу, и с размаху отвесил мне пощёчину. В голове зазвенело, перед глазами поплыли кровавые круги.

Худой навалился сверху, тяжёлый, грязный, его слюнявые губы попытались впиться в мою шею, а шершавая рука залезла под рваный корсет. Удушающая беспомощность, лишаящая возможности дышать, накрыла меня с головой. «Боже, пусть я умру, пусть я просто умру прямо сейчас!» — билась в голове единственная мысль.

И в этот момент снаружи, на внутреннем дворе гарнизона, раздался панический ор:

— Генерал! Генерал Барниган прибыл! Все по местам!

Напряжение в подсобке мгновенно лопнуло. Навалившийся на меня солдат замер, его лицо перекосилось от страха. Второй выронил свечу, которая тут же угасла в сырой соломе.

— Твою матушку... — прошипел широкий, резко отпрянув от меня. — Если генерал узнает, что мы не на посту — с нас сдерут шкуру на ремни!

5

Они выскочили из подсобки так быстро, будто за ними гнались сами магры, захлопнув за собой дверь.

Я осталась в абсолютной темноте. Меня сотрясала мелкая дрожь. Я сползла на пол, уткнувшись лицом в грязь и солому, и безнадежно, беззвучно зарыдала. Грудь разрывало от всхлипов, но я зажимала рот руками, чтобы не издать ни звука.

Из щелей в каменной стене вылезли крысы. Я слышала их мерзкий, шороховидный писк, чувствовала, как их холодные, мохнатые тушки пробегают в сантиметрах от моих вытянутых ног, но у меня не было сил даже оттолкнуть их.

Дверь подсобки закрыть было невозможно. Единственный «засов», который я смогла придумать это моё собственное тело.

Я подползла к двери, села на холодный пол и изо всех сил упёрлась спиной в неровные доски.

В таком положении — сидя, прижавшись спиной к двери, сжимаемая ледяным холодом и смертельной усталостью — я закрыла глаза и тут же провалилась в сон.

Лес был неживым. Деревья — огромные, со скрюченными, чёрными ветвями, похожими на согнутые пальцы мертвецов, — уходили вершинами в низкое, багровое небо.

Я шла медленно, едва переставляя ноги. Каждое движение давалось с трудом, будто я двигалась сквозь густую, невидимую воду. Неестественная, мёртвая тишина давила на уши так, что слышен был только пугающий стук собственного сердца.

Вдруг справа, в густых, чёрных кустах что-то хрустнуло.

Я замерла, боясь повернуть голову. Под моей правой туфлей с громким, трескучим звуком переломилась сухая ветка.

Этого звука было достаточно.

Из кустов с оглушительным рыком, от которого содрогнулась земля, вылетела огромная тень. Дикий, необузданный магр — ещё больше тех, что я видела в конвое, с наливающимися кровью глазами и огромной пастью — обрушился на меня. Смертоносные когти впились в плечи, швыряя меня на землю. В следующее мгновение страшная, тяжёлая пасть, усаженная рядами жёлтых клыков, сомкнулась на моём горле. Хрустнули хрящи, горячая кровь хлестнула во все стороны, заливая глаза...

— А-а-а-х! — вырвался из моего горла дикий вскрик.

Я подпрыгнула на месте, сорвав кожу на спине о шершавые доски, и схватилась за горло, часто дыша. В дверь с той стороны с силой ударили чем-то тяжёлым.

— Вставай, прачка! За работу! — прогремел снаружи злой, прокуренный голос капрала.

Утро встретило меня жёстким, пронизывающим холодом. Моя одежда, так и не высохшая за ночь, превратилась в ледяной панцирь. Суставы ломило, пальцы на руках едва сгибались. Во рту был мерзкий, сухой вкус, желудок скручивало спазмом — я ничего не ела и не пила больше суток.

Меня вытолкали на огромный, мощёный камнем плац. Ветер дул с севера, принося с собой мелкую ледяную крупу.

В руки мне всунули тяжёлую метлу и ведро с замёрзшей водой.

— Чтобы через два часа плац был чист! — рявкнул надзиратель.

Я начала мести. Каждое движение давалось с нечеловеческим трудом. Руки тряслись от холода, мелкая дрожь сотрясала всё тело. Насмешливые взгляды солдат, выстроившихся на утренний развод, жгли спину.

До обеда время тянулось как раскалённая смола. Я мыла, карябала ледяную корку, носила вёдра, чувствуя, как сознание начинает тускнеть. Голод и обезвоживание делали своё дело — перед глазами то и дело возникали тёмные пятна. Понимание того, что наступит вечер и эти твари снова придут в подсобку, жгло мозг. Я знала: второй раз мне не повезёт. Выхода нет. Нужно бежать. Сейчас или никогда.

6

Шанс выпал около часа дня, когда началась пересменка караула. Большинство солдат отправилось в столовую, а внимание оставшихся часовых у главных ворот было отвлечено разгрузкой телеги с провизией.

На задней части двора, за конюшнями, была небольшая деревянная калитка для выноса навоза. В замке торчал ржавый ключ.

Я бросила метлу за угол и, прижимаясь к камням стены, скользнула в тень конюшни. Сердце заходило в бешеном ритме. Лёгкие горели. Сделав глубокий вдох, я рванула калитку на себя, выскочила наружу и бросилась бежать по узкому переулку, ведущему в сторону трущоб.

Грязь летела из-под ног. Рваные туфли скользили, я бежала практически босиком по холодным каменным плитам, не чувствуя боли. Ещё немного, ещё пару поворотов — и я смогу затеряться в толпе!

— Держи её! — раздался сзади дикий окрик.

Я не обернулась. Я вложила все оставшиеся силы в этот бег, но истощённое тело подвело. Зацепившись носком за торчащий булыжник, я мешком рухнула вперёд, ободрав колени и ладони в кровь.

Не успела я даже подняться на локти, как тяжёлый сапог обрушился на мою спину, прижимая к земле.

— Куда намылилась? — тяжело дыша, прорычал тот самый широкий солдат с перебитым носом. За ним подбежал второй.

Они схватили меня за волосы и за руки, волоком поднимая с земли. Я пыталась брыкаться, кусаться, вырываться, но силы были несопоставимы.

— Пустите! Пустите, сволочи! — кричала я, задыхаясь.

— Заткнись! — солдат со всей силы ударил меня под дых. Воздух с сиплым свистом вылетел из лёгких, глаза застлала слепота. — Скажи спасибо, что генерал полчаса назад уехал в замок к королю! Теперь у нас полно времени.

Они волокли меня обратно по переулку, но не к калитке, а к стоящему неподалёку полуразвалившемуся, заброшенному сараю для сена.

— Давай её сюда, — хохотнул второй, пинком открывая тухлявую деревянную дверь сарая.

Меня швырнули на грязную, прелую солому в темноту сарая, и тяжёлый засов с глухим стуком встал на место. Я упала на бок, больно ударившись плечом о что-то твёрдое — кажется, ржавый плуг. Темнота была почти абсолютной — лишь тонкие полосы серого света проби-

вались сквозь щели в стенах, выхватывая из мрака силуэты двух солдат. Они приближались. Медленно. Уверенно.

— Ну что, красотка, — хрипло проговорил первый, нависая надо мной и расстёгивая ремень. — Генерал далеко. Король его ждёт. А мы пока... развлечёмся.

Я отползала, вжимаясь спиной в холодную, трухлявую стену, и чувствовала, как под ладонями крошится гнилое дерево.

Второй солдат схватил меня за волосы и рванул на себя. Я закричала — отчаянно, зло, — и попыталась ударить его, но он лишь рассмеялся, перехватывая мою руку и выкручивая её назад. Его напарник навалился сверху, придавливая меня к соломе. Вонь немытого тела, перегара и кожи ударила в нос. Я задыхалась. Я билась. Я царапалась. Но их было двое. И они были сильнее.

— Заткнись, — прошипел тот, что держал мои руки, зажимая мне рот грубой, грязной ладонью. — Ещё раз пикнешь — сломаю челюсть.

Я укусила его. Со всей силы, до крови. Он взвыл и отшатнулся, но второй тут же ударил меня по лицу — наотмашь, так, что в глазах вспыхнули белые искры. Голова мотнулась в сторону. Во рту стало солоно. Кровь. Моя кровь.

— Сука, — выплюнул он, занося руку для нового удара.

И в этот момент что-то изменилось. Воздух в сарае — спёртый, тяжёлый, гнилой — вдруг задрожал. Загустел. Стал плотным, как смола.

Дверь заброшенного сарая не просто отворилась — её вынесло внутрь вместе с петлями, треснувшим косяком и облаком трухи. Оглушительный треск дерева разорвал полумрак, и в пролом хлынул холодный, свинцово-серый дневной свет, смешанный со злой моросью.

Солдаты, секунду назад упивавшиеся своей безнаказанностью и тяжёлыми тушами прижимавшие меня к вонючему полу, замерли. Их движения мгновенно парализовало.

На пороге, полностью перекрывая собой дверной проём и заслоня блёклое небо, стоял не просто мужчина. Это была живая скала. Стихия, запертая в человеческий облик.

Он не сделал ни одного резкого или суетливого движения. Он просто стоял, но само его присутствие сжало воздух в сарае до состояния монолитной плиты. Высокий, под два метра ростом, в широком тёмно-бордовом военном шинеле с тяжёлым воротником, он казался скульптурой, высеченной из тёмного базальта. На нём не было ни единой соринки, ни единой складки. Влажный холодный ветер чуть шевелил густые волосы цвета выдержанного винного осадка, убранные назад, а строгие, породистые черты лица были неподвижны. Густые брови сошлись к переносице, а выразительные серо-голубые глаза — холодные, точно замёрзшая сталь над океанской бездной — смотрели на копошащихся в соломе солдат без тени человеческой ярости. В них не было крика, не было возмущения. Там застыло абсолютное презрение.

7

Если верховный маг Совраин Алинер отравлял своим присутствием, манерной и садистской жестокостью психопата, то от этого мужчины разило иной силой. Это была чистая, необузданная, древняя мощь, закованная в жёсткий корсет армейской дисциплины.

Лёгкие разрывало от удушливого страха. Я затаила дыхание, боясь даже громко выдохнуть. Этот мужчина пугал меня в сотню раз сильнее мага.

Я чувствовала, как солома подо мной пропиталась холодной влагой, как грязь забилась под обломанные ногти, как саднит разбитая губа. Но всё это было далеко, приглушённо, будто через толщу воды. Осталось только одно: он.

Он молчал. Прошла секунда, две, три. Тишина становилась физически ощутимой, она звенела в ушах вместе с каплями воды, падающими со стрехи.

— Что здесь происходит? — его голос не был громким. Он произнёс это с весомыми паузами между словами, но низкий баритон прошёл сквозь стены сарая и осел тяжёлым прессом на груди каждого из нас.

— Господин генерал! — широкий солдат с перебитым носом слетел с меня так, словно под ним вспыхнул порох. Он закрутился в соломе, потерял сапог и с глухим стуком грохнулся на колени прямо в жидкую грязь у ног. — Мы... мы наказывали нарушительницу, милорд! Беглая!

Слова отозвались в голове, и я поняла, что предо мной тот самый генерал — Кандер Барниган.

Это имя я слышала раньше в прачечной. Его произносили не со страхом — с чем-то похожим на благоговение, смешанное с ужасом. Говорили, он вырезал мятежный гарнизон в северных горах — всех до единого, от капрала до последнего конюха. Говорили, он не берёт пленных. Говорили, что под его началом не бывает дезертиров, потому что дезертирство карается так, что даже мысль о нём не приходит в голову. И ещё говорили, что король его боится. Не наоборот. Король боится своего генерала.

— Нарушительницу? — Кандер медленно накренил голову чуть набок. Его подвижная, выразительная мимика исказилась едва заметной, пугающей ухмылкой, которая не затрагивала ледяных глаз. — С каких пор третий взвод исполняет функции палачей в скотнике? И с каких пор мои солдаты исполняют приговоры с расстёгнутыми штанами?

Я видела, как от этих слов широкий солдат дёрнулся, будто его ударили. Плечи у него подались вперёд, спина сгорбилась, и вся его фигура — только что такая наглая, тяжёлая, уверенная — вдруг стала меньше. Как будто из него выпустили воздух.

— Она пыталась бежать, генерал! — второй солдат, худой, с гнилыми зубами, судорожно отползал назад по стене сарая, путаясь в собственном ремне и заикаясь от ужаса. — Капрал приказал... Капрал велел смотреть за ней!

Его голос срывался на визг. Он смотрел на генерала так, как смотрит кролик на удава — не в силах отвести взгляд, не в силах двинуться.

— Молчать, — ровно, без повышения тона произнёс Кандер.

Он лишь слегка приподнял указательный палец в кожаной перчатке с массивным золотым перстнем. Этот скупой жест действовал сильнее удара обухом — худой солдат мгновенно проглотил язык и вжал голову в плечи, зажмурившись.

В сарае стало так тихо, что я услышала, как у меня стучат зубы. Мелко, дробно, неостановимо. Я сжала челюсти, но это не помогло — дрожь шла изнутри, откуда-то из глубины костей, и я ничего не могла с ней сделать.

— Откуда в моём гарнизоне женщина? — генерал сделал полушаг вперёд, игнорируя навоз и грязь. — В чьём воспалённом мозге родилась идея превратить военный объект в бордель?

Он произнёс это всё тем же ровным, холодным тоном. Ни одного повышенного слова. Ни одной угрозы. Но от этих слов воздух в сарае стал таким тяжёлым, что дышать было больно.

— Её привезли из замка, милорд! — выкрикнул широкий. — Вчера вечером! По личному распоряжению верховного мага Алинера! Нам сказали... нам передали бумагу от Его Преосвященства!

8

— Совраина? — в серо-голубых глазах генерала на мгновение вспыхнул опасный, хищный вертикальный отблеск. — Маг распоряжается в моих казармах? Он путает королевскую армию со своими алхимическими подвалами?

Я слушала и не верила. Он говорил об Алинере так, как говорят о чём-то досадном, но не страшном. Как о надоедливой мухе. Как о прохудившейся крыше. Впервые за всё время в этом мире я услышала, как кто-то говорит о верховном маге не с ужасом, не с подобострастием, а с раздражением.

— Нам сказали... сказано было, чтобы парни позабавились, милорд... — пробормотал широкий. — Что она разжалована из прачек за проступок... Что маг приказал пустить её по подразделению...

Он не договорил. Голос у него сорвался, и последние слова упали в тишину, как камни в колодец.

— Встать, скоты, — чеканя каждое слово, точно отливая их из свинца, скомандовал Кандер.

Солдаты подорвались на ноги, вытянувшись по струнке. Их лица были белее савана.

Я видела, как у широкого солдата тряслись руки. Как он пытался спрятать их за спину, но не мог — пальцы ходили ходуном, выдавая животный, первобытный ужас. Худой стоял, втянув голову в плечи, и его кадык судорожно дёргался, будто он пытался проглотить что-то большое и острое. Гнилые зубы стучали — я слышала этот мелкий, дробный звук даже отсюда, из своего угла.

— Вон отсюда, — проговорил генерал хладнокровно, смотря куда-то сквозь них. — Сдать оружие капралу.

Он чуть повернул голову — не к солдатам, а к тому, кто был за дверным проёмом, невидимый в сером свете мороси.

— Гвардеец.

Из-за косяка, из холодной пелены дождя, мгновенно выросла фигура в тёмном плаще. Молодой, но с уже застывшим, непроницаемым лицом.. Он замер, склонив голову.

— Проследи лично, — продолжил Кандер, и в его голосе не было ни гнева, ни ярости. Только ровная, окончательная воля. — Сорок плетей каждому за самовольную отлучку и блуд на дежурстве. На плацу, при всём гарнизоне. Проследи, чтобы капрал не вздумал смягчить наказание. Если хоть один удар будет слабым — добавишь ещё двадцать. От себя.

— Будет исполнено, мой лорд, — глухо отозвался он.

— Если выживете — к вечеру отправитесь на дальние форпосты к Чёрным болотам. Прочь.

Солдаты не просто побежали — они выскочили из сарая, сбивая друг друга плечами, готовые принять сорок плетей, лишь бы убраться подальше от взгляда генерала. Гвардеец шагнул следом, и его тяжёлые шаги удалялись по мокрому камню двора — размеренные, неумолимые, как приговор.

Генерал даже не повернулся им вслед. Он остался стоять в полумраке сарая, омываемый запахом перепревшей соломы, страха и крови. Его тяжёлый, взвешенный взгляд медленно скользнул по стенам, по разбитым доскам и, наконец, опустился на меня.

Я сидела в углу, сжавшись в ком, и сотрясалась от непрерывного озноба. Рваное платье цвета топлёного молока было сплошь покрыто чёрной грязью, а тело — кровоточащими ссадинами. Русые волосы спутались, на щеке наливался тёмно-фиолетовый синяк от удара солдата.

Мне было холодно. Так холодно, как не было, наверное, никогда в жизни. Холод шёл не от промокшей одежды и не от ледяного сквозняка, гулявшего по сараю. Он шёл изнутри — откуда-то из глубины костей, из самого сердца. Я чувствовала, как он растекается по венам, сковывая движения, замедляя мысли. Тело дрожало мелкой, непрерывной дрожью, и я ничего не могла с этим сделать.

Генерал не подошёл ближе. Он строго соблюдал невидимую дистанцию доминирования — стоял в двух шагах, нависая всей своей внушительной фигурой, но оставаясь абсолютно недостижимым, словно существо из совершенно иной вселенной. Он смотрел на меня сверху вниз, закинув голову чуть назад, словно подставляя лицо прохладному сквозняку. В его взгляде не было ни капли сочувствия, ни капли жалости. Это был сухой, отстранённый анализ артефакта, случайно попавшего в зону боевых действий.

Я видела, как он смотрит. Как его серо-голубые глаза — холодные, как замёрзшая сталь, — медленно скользят по моей фигуре. По разбитой губе. По синяку на щеке. По сорванным ногтям. По обрывкам шёлка, едва прикрывающим тело. Он не оценивал мою красоту — её давно не осталось. Он не оценивал мой страх — страх его не интересовал. Он оценивал ущерб. Как оценивают сломанный инструмент: можно ли починить или проще выбросить.

— Встань, — скомандовал он.

Я попыталась подняться, но затёкшие, избитые ноги подкосились. Я больно ударилась коленями о пол, выронив слабый, глухой стон.

— Гвардейцы! — громко, но не повышая голоса, позвал Кандер, даже не повернув головы к выходу.

9

В сарай мгновенно зашли четверо подтянутых воинов в стальных кирасах с вычеканенными драконьими крыльями, в чистых, отутюженных тёмно-синих мундирах.

Я смотрела на них снизу, с пола, и видела, какие они... другие. Не чета тем, что были здесь. Эти двигались слаженно, молча, без суеты. Их лица были непроницаемы, а руки лежали на эфесах мечей — не угрожающе, а привычно. Так, как лежат руки людей, которые делают это всю жизнь.

— Доставить эту женщину и верховного мага Алинера в мой кабинет, — приказал Барниган.

Меня держали мёртвой хваткой. Двое личных гвардейцев генерала подхватили меня под локти. Их кожаные перчатки пахли чистым дёгтем и дорогой оружейной смазкой.

Контраст был настолько резким, что я чуть не задохнулась. От солдат, которые тащили меня сюда, разило перегаром и немытым телом. От этих — пахло кожей, металлом и чем-то ещё, неуловимым, но чистым. Как будто их только что вынули из упаковки. Как будто они не люди, а хорошо смазанные механизмы.

Мы поднимались по крутой каменной лестнице в главную цитадель. Вокруг шныряли испуганные вестовые, солдаты выстраивались вдоль стен, пряча глаза. Весь гарнизон дышал паникой — возвращение генерала Барнигана перекроило привычный уклад этого места за считанные минуты.

Я видела, как они вытягиваются. Как подбирают животы. Как поправляют воротники. Как стараются стать невидимыми. И понимала — этот человек здесь не просто командир. Он здесь бог. И его гнев — это не гроза, которую можно переждать. Это конец света.

Меня толкнули внутрь просторного, высокого кабинета на верхнем этаже.

Здесь пахло иначе. Никакого перегара или сырости — только запах сухого дуба, старого пергамента, пчелиного воска и дорогого табака. В огромном камине из тёмного мрамора ярко трещали толстые сухие поленья, отбрасывая оранжевые блики на книжные шкафы и развешанные по стенам карты провинций.

Я огляделась — и на секунду забыла, где я. Кабинет был... человеческим. Не в смысле добрым, а в смысле жилым. Здесь кто-то работал. Здесь кто-то думал. На столе лежали развёрнутые карты с пометками, стояла чернильница с засохшим пером, лежала стопка бумаг, придавленная тяжёлым пресс-папье из зелёного малахита. У стены — шкаф с книгами, корешки которых были потёрты от частого использования.

Это был не кабинет палача. Это был кабинет человека, который управляет армией. И от этого понимания мне стало ещё страшнее.

Гвардейцы вышли, звеня доспехами, и с глухим стуком заперли дверь снаружи.

Я осталась одна.

Сухое, плотное тепло, исходившее от камина, не принесло облегчения. Напротив, от резкого перепада температур моя обмороженная, покрытая ссадинами кожа горела огнём. Затёкшие пальцы на руках оттаивали с дикой, колючей болью. Я бессильно сползла на полированный паркет прямо у подножия массивного резного шкафа, поджав под себя окровавленные ноги.

Тело сотрясала непрерывная крупная дрожь. Внутренности выкручивало от голода. Во рту стоял стойкий, тошнотворный вкус железной крови от разбитой губы.

В этой тишине кабинета, нарушаемой лишь треском дров, Алёна Смирнова — 39-летняя бывшая воспитательница детского сада из совсем другого мира — бледнела и умирала от ужаса. Пять лет я прожила в этом жестоком, суровом мире королевства Адонтир, запертая в молодом теле Ивилии Халевилл. Я выживала в приюте, работала до смертоносной усталости в прачечной, пряча своё отчаяние за острым языком и прагматичным цинизмом. Я усвоила главное правило этого мира, выжженное на подкорке: никогда, ни при каких обстоятельствах не заикаться о том, что ты из другого мира. Иномирян здесь считали проклятыми одержимыми, демоническими сосудами. Их ловили маги и вживую вскрывали в алхимических лабораториях и ставили на них свои опыты.

Я помнила, как в первый год попала в приют. Как мне объяснили — быстро, жёстко, без сантиментов — что здесь можно, а что нельзя. Что можно молчать, работать, не высовываться. Что нельзя — задавать вопросы. Что нельзя — быть интересной.

10

Пять лет. Пять лет я играла роль. Тихая, тупая прачка. Недалёкая, но исполнительная. Никому не нужная, никому не опасная. Я научилась смотреть в пол, отвечать односложно, не запоминать лица. Я научилась быть мебелью.

И вот теперь весь мой цинизм и осторожность рухнули из-за дурацкого спора прачек и излитого на подвенечное платье невесты верховного мага ведра помоев.

Дверь кабинета с грохотом распахнулась.

Твёрдым, невесомым шагом в комнату вошёл генерал Кандер Барниган. Он даже не бросил взгляда в мой угол — словно на полу лежала не избитая девушка, а забытая слугами грязная тряпка. Генерал подошёл к огромному письменному столу из чёрного дерева, расстегнул шёлковый шейный платок, снял золотой перстень и положил его на стол, затем кожаные перчатки и с тихим шуршанием бросил их на полированную поверхность.

Я смотрела на него снизу. На то, как он двигается. Как снимает перчатки — медленно, обстоятельно, палец за пальцем. Как кладёт их на стол — ровно, параллельно краю. Как отодвигает стул — без скрипа, будто стул сам понимает, что должен молчать. В каждом его движении была такая выверенная, отточенная годами экономность, что я вдруг поняла: этот человек никогда не делает лишнего. Никогда. Ни жеста, ни слова, ни вдоха.

Не прошло и полуминуты, как в кабинет буквально ворвался Алинер.

Верховный маг был взбешён.

— Кандер! Что за недопустимые выходки?! — прошипел Алинер, останавливаясь посреди комнаты и брезгливо поджимая тонкие, бескровные губы. — Твои гвардейцы посмели перехватить мою карету прямо на выезде из гарнизона! Ты забываешь, с кем говоришь, генерал! Я — верховный маг короны!

— А ты забываешь, где находишься, Совраин, — отрезал Барниган. Его голос был абсолютно спокойным, но в нём слышалась такая тяжесть, что свечи в канделябрах слегка задрожали. Он даже не поднял головы от бумаг, которые начал перебирать на столе. — Ты перепутал мой гарнизон с борделем.

— Эта дрянь должна была быть наказана! — маг резко ткнул длинным, костлявым пальцем в мою сторону. — Она совершила преступление против короны и моей семьи!

— Какое же преступление? — Кандер медленно поднял взгляд. Его выразительные серо-голубые глаза впились в мага. — Она выкрала чертежи фортификаций? Она отравила колодцы?

— Она испортила подвенечное платье Агвории! — визгливо выкрикнул Алинер.

От этого крика пламя в камине на секунду метнулось в сторону, а витражные стёкла в окнах тонко зазвенели. Маг тут же опомнился, сжал сухие кулаки и вернулся к своему зловещему, тихому шёпоту:

— Платье моей невесты. Твоей родной сестры, Барниган. Эта девка напялила его на своё нечистое тело и вылила на себя ведро с помоями! Оно безнадёжно испорчено! Сусальное серебро, жемчуг, редчайший фальонский шёлк!

Я слушала и чувствовала, как во мне поднимается что-то похожее на злость. Не на Алинера — на себя. Дура. Какая же я дура. Надо было не надевать. Надо было отказаться. Надо было...

А потом я вспомнила глаза тех прачек. Их смех. Их азарт. «Спорим, не наденешь? Спорим, побоишься?» И то, как они вылили ведро — все вместе, хором, с визгом и хохотом. Они знали. Они все знали, чьё это платье. И всё равно заставили меня его надеть. И всё равно вылили помои.

— Ивилия Халевилл — прачка, — хладнокровно, выдерживая тяжёлые паузы, произнёс генерал. — Изволь объяснить мне каким образом на тебе оказался подвенечный наряд моей сестры?

11

Я подняла голову. Медленно. Через силу. Шея ныла, губы распухли, но я заставила себя посмотреть прямо в эти серо-голубые глаза. В них не было ни жалости, ни гнева. Только холод.

— Они заставили, — прошептала я. Голос сорвался, и я сглотнула, чувствуя солёный привкус крови на языке. — Прачки. Поспорили, что я не надену. Что побоюсь. Они... они предложили деньги. Немного. Я согласилась. И я знала.

Я замолчала. Слова застряли в горле. Признание — короткое, жалкое, — повисло в воздухе. Кандер смотрел на меня. Не мигая. Не перебивая. Просто ждал. И это ожидание было хуже любого крика.

— Знала, что это платье вашей сестры, — продолжила я тихо. — Одна из них проговори-лась. Сказала: «Главное, чтобы верховный маг не увидел». И засмеялась. Я знала — и всё равно надела. Потому что... потому что за пять лет я устала быть мебелью. Устала смотреть в пол. Устала молчать. Даже позор — это не пустота. Даже боль — это не безмолвие. А те медяки... они бы дали мне неделю. Одну жалкую неделю без мысли о том, чем заплатить за хлеб завтра.

Кандер смотрел на меня. Долго. Не мигая. Я видела, как под его кожей что-то движется — сдерживаемое, тяжёлое. Как сжимаются желваки. Как пальцы, лежавшие на столе, чуть заметно напряглись. Он не сказал ни слова. Ни «верю». Ни «не верю». Просто смотрел — и в этом молчании было больше, чем в любом крике.

— Ты понимаешь, что она сделала?! — прошипел он, тыча в меня скрюченным пальцем. — Эта грязь, эта подзаборная тварь посмела надеть платье моей невесты! Платье Агвори! Оно было заказано у лучших фальонских мастериц! Каждая жемчужина — на вес золота! Каждая нить серебра — на вес крови! А она... — он задохнулся от ярости, и на его губах выступила пена, — она напаялила его на своё вонючее тело и вылила на себя ведро с помоями! На глазах у всех! Она осквернила честь рода Совраинов!

Я слушала его крик — визгливый, захлёбывающийся, — и чувствовала, как внутри меня что-то медленно закипает. Не страх. Не стыд. Что-то другое. Что-то, чему я давно не давала выхода. Пять лет я смотрела в пол. Пять лет я молчала. И теперь этот человек — этот маг, который никогда в жизни не стирал чужого белья, не стоял на коленях в ледяной воде, не получал медяков за день работы, — говорил обо мне как о грязи. Как о твари. Как о чём-то, что можно выбросить.

Я посмотрела на него. Не в пол. Не в сторону. Не сквозь. Прямо в эти тёмные, злые, полные ненависти глаза. Я не сказала ни слова. Я просто смотрела. С гордо поднятым подбородком. С прямой спиной.

Алинер замолчал. На секунду. Его глаза сузились, и в них мелькнуло что-то похожее на удивление. Или на новую волну ярости. Он не привык, чтобы на него смотрели так. Чтобы на него смотрели вообще.

Кандер заметил. Я поняла это по тому, как он замер. Как его взгляд скользнул по моему лицу — по поднятому подбородку, по прямой спине, по глазам, которые больше не прятались.

Что-то в его лице изменилось. Едва-едва. Уголок губ дрогнул. Или это была игра теней от свечей? Я не знала.

— Алинер, — проговорил Кандер тихо. Голос был ровным. Слишком ровным. Так спокойны бывают только перед убийством. — Ты бы лучше направил свои знания о поисках справедливости на решение важных государственных вопросов. А то, что одно из тысячи платьев моей сестры примерила девушка... У тебя же вроде достаточно средств, чтобы приобрести новое.

Алинер замер. На одно мгновение. Всего на одно. Его лицо пошло пятнами. Он смотрел на Кандера так, будто тот только что плюнул ему под ноги. Или ударил. Или сделал что-то, чего он не мог простить.

— Новое?.. — прошипел он, и его голос сорвался на визг. Пальцы скрючились, впиваясь в мантию. Он шагнул вперёд — не ко мне, к Кандеру, — и в его глазах горела уже не просто злоба, а отчаяние. Отчаяние человека, который привык, что его слово — закон, и который вдруг понял, что здесь его слово ничего не стоит. — Но факт осквернения это не отменяет! Я разжаловал её и отправил сюда, к твоим солдатам! Чтобы они научили эту шлюху скромности и покорности!

Он выкрикнул это — и эхо ударилось о стены кабинета. Свечи дрогнули. Витражи тонко звякнули. А потом всё стихло. Только треск камина. Только моё сбитое дыхание. Только тяжёлое, гнетущее молчание Кандера Барнигана, который медленно, очень медленно отвёл взгляд от мага и снова посмотрел на меня.

12

— Мои солдаты — это легион королевства Адонтир, а не палачи для твоих капризов и не выгребная яма для твоей желчи, — он медленно встал из-за стола во весь рост.

Его статичное величие накрыло кабинет. Он не делал жёстких движений, но его расправленные плечи и идеальная осанка создавали ощущение, будто в комнате стало мало места.

Я видела, как Алинер отшатнулся. Один шаг. Маленький, но отшатнулся. И в этот момент я поняла — маг боится. Он прячет это за истерикой, за визгом, за угрозами. Но он боится этого человека. По-настоящему, глубоко, до дрожи в сухих пальцах.

— Ты притащил в военную часть гражданскую женщину, бросил её на потехи солдатам и рассчитывал, что я оставлю этот бардак без внимания? В моём гарнизоне соблюдается устав.

— Ты защищаешь это ничтожество? — изумился Алинер, в его голосе проскользнули истеричные нотки. — После того, как она растоптала честь Агвории?!

— Я защищаю порядок в своих войсках, — отбивал Барниган. — А что касается платья моей сестры... я сам решу этот вопрос с Агворией. Без твоего участия.

В кабинете повисла удушливая тишина. Было слышно только, как за окном порывы ветра бьют мокрым снегом в стёкла и потрескивают дубовые поленья.

Кандер задумчиво перевёл взгляд на меня. Его суровые глаза медленно, с холодным расчётом скользили по моим окровавленным коленям, по порванному шёлку, по синяку на щеке и спутанным волосам. В этом взгляде не было ни капли сочувствия к жертве несправедливости — только сложный, парализующий умственный процесс. Он взвешивал факты, словно гроссмейстер перед решающим ходом.

Я смотрела на него снизу вверх и думала: что ты видишь? Что ты видишь, когда смотришь на меня? Сломанную прачку? Или виновницу преступления?

Молчание длилось почти минуту. Затем генерал развернулся и, не произнеся больше ни единого слова, вышел из кабинета. Двери громко захлопнулись за его спиной.

Мы остались вдвоём.

Алинер медленно повернулся ко мне. Его лицо исказила гримаса такой чистой, садистской ненависти, что у меня остановилось дыхание. Он сделал два шага вперёд, кутаясь в свою длинную мантию, и наклонился надо мной.

— Ты доигралась, мерзавка... — тихо, едва слышно прошипел он, и от его дыхания по моей шее пробежал мороз. — Ты думаешь, Барниган тебя спас? Ты думаешь, драконы знают, что такое милосердие?

Драконы.

В этом мире о них говорили все — с придыханием, с тем особым страхом, который бывает у людей, когда они говорят о чём-то, чего никогда не видели. Драконы были древними. Драконы были жестокими. Драконы не знали пощады. Так говорили в тавернах, так шептались на кухнях, так пугали детей. Но я никогда их не видела. Ни одного. Ни разу за пять лет. Для меня они были такой же сказкой, как говорящие звери или люди с двумя головами. Я знала о них ровно столько, сколько нужно, чтобы бояться. И не больше.

Он резко протянул руку. Его длинные, с перламутровыми ногтями пальцы с дикой силой впились в мои спутанные русые волосы на затылке. Он с треском потянул их вверх, заставляя меня запрокинуть голову. Затылок прожгла вспышка острой боли, из глаз брызнули слёзы.

— Ты испортила платье Агвории. Кандер никогда не простит неуважения к своей крови. А я... я лично выдерну из тебя душу, ничтожество. Медленно. По частям. Как только ты покинешь этот...

Дверь с грохотом отворилась. В кабинет вошли четверо гвардейцев Барнигана.

— Верховный маг Алинер, — твёрдо произнёс офицер. — По приказу генерала Барнигана женщина переходит в подчинение штаба полка. Вам предписано немедленно покинуть территорию гарнизона.

Маг замер. Его глаза блеснули ядом. Он медленно разжал пальцы, вырывая с корнем клок моих волос.

13

— Вы все пожалеете об этом, — выдохнул он в моё лицо и, круто повернувшись, вылетел из кабинета.

Меня тут же подхватили под руки гвардейцы. Не давая опомниться, меня вывели на задний двор, где стоял тяжёлый, крытый экипаж из чёрного дерева без герба. Окна были глухо занавешены плотным бархатом. Меня бесцеремонно затолкнули внутрь, и дверца захлопнулась. Щёлкнул внешний засов. Экипаж рванул с места, застучав колёсами по булыжной мостовой.

Ужас, сковавший меня в этой замкнутой коробке, был невыносим. Куда меня везут? На тайную казнь? В лабораторию магов?

— Отпустите! Пожалуйста! — закричала я, захлёбываясь слезами и глухими всхлипами.

Я билась кулаками в дубовые стенки экипажа, набивая новые синяки на израненных руках.

— Выпустите меня! Я ничего не сделала! Я просто прачка! За что?!

Мой крик угасал в глухом стуке копыт и скрипе рессор. Экипаж мчался на бешеной скорости по улицам города, затем мостовая сменилась ровной гравийной дорогой. Поездка длилась почти час, превратившись в бесконечную пытку неведением.

Я кричала, пока не сорвала голос. Потом просто сидела и тряслась. Потом начала считать удары сердца. Досчитала до тысячи. Потом сбилась и начала заново. Потом перестала считать. Просто сидела в темноте и ждала.

Наконец, экипаж плавно остановился.

Засов снаружи щёлкнул, дверца распахнулась, и морозный, чистый воздух обжёг моё заплаканное лицо. Гвардеец рывком вытащил меня наружу.

Это было не подземелье и не плаха.

Перед глазами предстало величественное поместье из белого мрамора, выполненное в стиле позднего барокко. Огромный стеклянный купол зимнего сада возвышался над центральным крылом. Меня повели именно туда — сквозь тяжёлые хрустальные двери.

Я шла, спотыкаясь, по мраморным плитам, и не могла поверить в то, что вижу. После грязи гарнизона, после сарая, после подсобки с крысами — этот мрамор, этот хрусталь, этот свет, лившийся откуда-то сверху, казались насмешкой. Слишком ярко. Слишком чисто. Слишком красиво.

Воздух здесь был влажным и густым, напитанным сладкими, дурманящими ароматами цветущего жасмина, орхидей и экзотических лиан. После грязи гарнизона этот контраст оглушал.

В глубине сада, на кованой кушетке среди пышных папоротников, вальяжно восседала женщина.

Агвория Барниган.

Её экзотическая красота ослепляла своей знойной, магнетической силой. Оливковая кожа идеальной гладкости, выразительные карие глаза под густыми ресницами и тёмные волнистые волосы, уложенные в изысканную причёску. На ней было роскошное платье из вишнёвого шёлка с глубоким декольте, а на длинных пальцах переливались перстни с огромными каплевидными рубинами. В каждом её движении проглядывала хищная, кокетливая грация.

Я смотрела на неё и чувствовала, как во мне что-то сжимается. Не страх. Что-то другое. Что-то древнее, женское, инстинктивное. Она была красива так, как бывает красива природа перед бурей — ослепительно и опасно.

— О-о-о... — протянула она, рассматривая меня сквозь стенки хрустального бокала с тёмно-красным вином. Её голос лепетал, словно бархатный, удушающий яд. — Так вот она. Прачка, из-за которой мой милый женишок и мой братец едва не перегрызлись в казарме.

Я стояла перед ней на мозаичном полу, опустив голову, вся в грязи, мокрая, дрожащая, не смея поднять глаз.

14

— Прекрасно, не правда ли? — усмехнулась Агвория, отставляя бокал и медленно поднимаясь с кушетки.

Она начала обходить меня по кругу. Шелест её шёлковых юбок казался мне неторопливым ползанием гадюки.

— Такая естественная... Серо-голубые глазки, светлые брови, русые кудряшки... Настоящая дикая роза из помойной ямы. И из-за этого чучела Совраин устроил истерику?

Она остановилась за моей спиной. Я чувствовала её взгляд — на затылке, между лопаток, ниже. Как будто она ощупывала меня глазами, оценивая, примеряя на меня какие-то свои мерки.

— Леди Агвория... я не хотела... — выдавила я сквозь стучащие зубы, едва удерживаясь на ногах. — Это был спор... прачки...

— Заткнись, милая, — мягко, почти ласково перебила она.

Её длинный палец с острым ногтем больно упёрся в мой подбородок, приподнимая голову.

— Твоё жалкое лепетание интересует меня меньше, чем вчерашний снег. Ты испортила вещь, созданную для меня. Для будущей королевы магов.

Я смотрела в её карие глаза — красивые, глубокие, с золотистыми искрами. И не видела в них ничего. Ни злости, ни ненависти. Только холодное, бездонное любопытство. Как у ребёнка, который держит в руках муравья и решает — раздавить или оторвать лапки?

— Что... что вы со мной сделаете? — выдохнула я, глядя в её красивые глаза.

— Братец прислал тебя сюда, чтобы я решила твою судьбу, — Агвория прищурилась, с лёгкой ухмылкой рассматривая мои ссадины. — Совраин хочет пустить тебя в расход. Кандер ведёт свою игру. Я пока не решила, как именно ты меня развлечёшь.

— Прошу вас...

— Завтра в поместье приезжает король, — внезапно отбивая каждое слово, произнесла Агвория. Ласковый тон исчез, уступив место ледяной аристократической спеси. — Намечается большая королевская охота и грандиозный ужин. А пока... ты побудешь взаперти. Посидишь и подумаешь о своём ничтожестве, пока я не придумаю для тебя подходящее наказание. Уведите её.

Гвардейцы подхватили меня и потащили по мраморным коридорам вниз, в подвальный этаж. Меня затолкнули в крошечную, глухую комнату без окон. Дверь захлопнулась.

Я осталась в абсолютной темноте.

Спустя примерно полчаса засов снова звякнул. Вошла молчаливая служанка с масляным фонарём. Она поставила на пол поднос со скромным ужином — куском чёрствого хлеба и миской горячего чечевичного супа, — после чего указала на дверцу в смежную нишу. Там стояла деревянная бадья и лежало чистое, но простое серое платье из грубого льна.

Служанка вышла, снова заперев дверь.

Я бросилась к бадье. Горячая вода обожгла замёрзшее, покрытое коркой грязи и синяков тело, но это была благословенная боль. Я мылась отчаянно, до красноты кожи, смывая с себя гарнизон, грязь сарая, слюну солдат и липкий запах страха. Смывала всё, пока вода в бадье не превратилась в тёмную муть.

Я вылезла из бадьи и насухо вытерлась грубым полотном. Льняное платье село по фигуре — просторное, но чистое. Чистое. Боже, какое это было счастье — просто чистое платье.

Быстро съев суп — который сейчас казался мне невероятным деликатесом, — я села на край узкого деревянного топчана, обняв колени.

В голове кружился вихрь мыслей. Как мне выбраться? Зачем генерал привёз меня к сестре? Что со мной будет?

15

Я думала о Кандере. О том, как он смотрел на меня. Как оценивал. Как решал. Он не был добрым. Он не был милосердным. Но он был... другим. Не как Алинер. Не как солдаты. Не как прачки. Он был холодным, расчётливым, опасным — но он не был жестоким ради жестокости.

А Агвория? Что ей нужно? Зачем она держит меня здесь? Чтобы развлечься? Чтобы отомстить? Чтобы использовать в какой-то своей игре?

Я не знала. И это незнание было хуже всего.

Я легла на топчан, поджав ноги. Тонкое одеяло не спасало от холода, но это было лучше, чем солома в сарае. Лучше, чем пол в подсобке. Лучше, чем ничего.

Закрыв глаза, я попыталась представить свой старый мир. Квартиру. Ванную. Пену с лавандой. Тёплую воду. Но вместо этого видела только серо-голубые глаза, которые смотрели на меня, как на сломанный механизм.

Вдруг снаружи, за тяжёлой дубовой дверью, раздался шум.

Шаги.

Тяжёлые, абсолютно уверенные шаги человека, который не привык сверять свой маршрут ни с кем.

Я лежала на топчане, поджав колени к груди, и слушала, как эти шаги приближаются. Они не были быстрыми. Не были медленными. Они были — неизбежными. Как прилив. Как приговор. Каждый удар о камень отдавался где-то у меня в позвоночнике, и я чувствовала, как с каждым звуком сердце бьётся всё чаще, всё тревожнее.

Засов щёлкнул. Дверь отворилась.

На пороге стоял генерал Барниган.

Свет от масляного фонаря, висевшего в коридоре, падал ему на спину, и на секунду его фигура показалась мне высеченной из тьмы — огромная, чёрная, всепоглощающая. Он переступил порог, и свет сместился, выхватив из темноты его лицо. Суровое. Спокойное. Непроницаемое.

Он снял свой тяжёлый военный шинель, оставшись в строгом камзоле. В одной руке он держал бронзовый подсвечник. Пляшущие язычки пламени отбрасывали глубокие тени.

Я приподнялась на локте, инстинктивно отодвигаясь к стене.

— Вымылась, — сухо констатировал он, шагнув в комнату.

Кандер полностью проигнорировал моё личное пространство. Он подошёл вплотную к топчану, нависая надо мной всей своей двухметровой фигурой. От него разило чистым зимним

воздухом — морозным, свежим, с едва уловимой примесью табака и выделанной кожи. Ни пота, ни перегара, ни грязи. Как будто он только что вошёл с улицы, где только что выпал первый снег.

Я вжалась в стену. Так сильно, как могла. Камень был ледяным, и через тонкое льняное платье холод пробирал до костей. Но это было ничто по сравнению с тем, что я чувствовала, глядя снизу вверх на этого человека.

— Что вы от меня хотите? — тихо спросила я, сжимая пальцы в кулаки, чтобы подавить нервную дрожь.

— Твоего полного и безусловного повиновения, — ответил Кандер.

Повиновения. Не помощи. Не понимания. Не сочувствия. Повиновения. Как от собаки. Как от солдата. Как от вещи.

— Ваш маг... и ваша сестра... они оба хотят уничтожить меня, — я подняла взгляд, уставившись прямо в его глаза, пытаясь разглядеть там хоть малейший след человечности.

16

— Совраин — пресыщенный трус с атрофированными эмоциями. Агвория — избалованная девчонка, — с хладнокровной прямоотой отрезал Барниган. — Их желания меня не интересуют.

— Тогда зачем я вам?

Кандер наклонился ниже. Его лицо оказалось в каких-то сантиметрах от моего. Я физически ощутила исходящее от него сумасшедшее, почти обжигающее тепло. Он был как печь. Как раскалённый камень. Как что-то, что может согреть — или сжечь. Его взор медленно скользнул по моим губам, поднялся к глазам, излучающе впитывая каждую эмоцию.

Я не дышала. Не могла. Воздух застрял где-то в горле, и я чувствовала только это тепло — оно шло от него волнами, окутывало, проникало под кожу.

— Завтра состоится королевский ужин перед большой охотой, — проговорил он весомо, делая твёрдые паузы между фраз. — И ты будешь присутствовать на нём.

— Я? — я обомлела. — В качестве кого?

— В качестве чашницы, — на губах генерала появилась едва заметная, пугающая усмешка. — Ты будешь подавать вино. Верховному магу Совраину Алинеру и Королю.

— Он же убьёт меня! — выкрикнула я, чувствуя, как паника снова сжимает горло.

— Именно, — спокойно подтвердил Барниган, чуть закинув голову и глядя на меня сверху вниз. — Он узнает тебя. И он потеряет над собой контроль при правителе.

— Вы... вы используете меня как приманку? Словно кусок мяса на охоте?!

— Как пешку, Ивилия, — отрезал Кандер. — И завтра ты сыграешь свою роль в моей партии. Ты наденешь платье прислуги, будешь улыбаться и наливать вино.

Пешка. Он сказал это без злобы. Без презрения. Просто — констатация. Как хирург, который говорит: «Это скальпель. Он режет». Не хорошо, не плохо. Просто — так есть.

— А если я откажусь? — с отчаянием спросила я.

Я знала ответ. Знала ещё до того, как спросила. Но мне нужно было услышать. Нужно было, чтобы он сказал это вслух. Чтобы я могла ненавидеть его за это. Чтобы у меня было хоть что-то — хоть капля злости, хоть искра сопротивления.

— Тогда я верну тебя в гарнизон, — без единой эмоции ответил генерал. — Выбирай.

Сарай. Солома. Двое солдат с расстёгнутыми штанами. Грязь. Боль. Я вспомнила всё это — и меня передёрнуло. Тело помнило. Тело не забыло. Оно кричало: «Не туда. Что угодно, только не туда».

Я сжала зубы. Выбора не было. Я была ничтожеством в чужой игре, но пока пешка остаётся на доске — у неё есть шанс дойти до края.

— Я буду подавать вино, — тихо сказала я.

Барниган едва заметно кивнул, развернулся и вышел из комнаты.

Дверь закрылась. Засов щёлкнул. Шаги — тяжёлые, уверенные — удалились по коридору.

Я осталась одна. Я закрыла глаза. И почти сразу провалилась в сон.

17

Я очнулась не сразу. Сознание возвращалось медленно, будто кто-то тянул меня за волосы из чёрной, вязкой воды, не давая вынырнуть. Сначала пришёл запах — спёртый воздух комнатухи, старая пыль, горькие травы, дым и едва уловимый металлический привкус крови. Потом — боль. Она разливалась по телу тугими волнами: от висков к затылку, от поясницы к коленям, от рёбер к запястьям. Каждая волна оставляла после себя ноющую, липкую усталость. Я попыталась пошевелить пальцами, но они не слушались, словно налились свинцом. В горле пересохло. Голова гудела так, будто внутри неё всё ещё звенели какие-то чужие голоса.

И тут сквозь ледящийся туман пробилось нечто иное. Не мысль — телесный ужас. Чья-то тяжёлая, чужая рука бесцеремонно задирала край моей грубой юбки. Холодные, костлявые пальцы с неприятной, жёсткой уверенностью сжали обнажённое колено и медленно, без спешки, поползли выше по бедру. Кожа под ними покрылась колкими мурашками, а внутри всё сжалось в тугой комок. Я не понимала, где я, кто я, что происходит, но тело уже знало ответ: бежать. Прятаться. Закричать.

Сердце круто ухнуло куда-то в пропасть. Вспышка паники была подобна удару тока. Я вскрикнула, судорожно дёрнулась, намереваясь отбрыкнуться, вывернуться и забиться в самый дальний, тёмный угол, но не успела. Чья-то мощная, широкая ладонь мгновенно легла мне на плечо, жёстко и безапелляционно прижав обратно к деревянному изголовью. Пальцы впились в ткань, не давая мне даже толком приподняться.

Касание было горячим, почти обжигающим через тонкую, протёртую ткань. Я вскинула голову, задыхаясь от испуга, и уткнулась взглядом в знакомые, тёмные, как ночное небо перед грозой, глаза Кандера.

В его лице не было злобы. Ни гнева, ни презрения — только каменная собранность и что-то ещё, глубоко спрятанное, что он сам, казалось, не хотел показывать. Но в глубине зрачков на миг проскользнуло странное, натянутое как струна напряжение. Пальцы на моём плече чуть сжались — не до синяков, не больно, но с такой нечеловеческой силой, что вдоль позвоночника от копчика до затылка пробежала волна непонятного, электрического разряда. Мы замерли на долю секунды, не дыша. Я слышала, как глухо и часто бьётся его сердце, а он наверняка чувствовал, как колотится моё.

— Тихо. Не дёргайся, — низко, почти над самым моим ухом проговорил он. От его бархатного, вибрирующего голоса грудную клетку сдавило так, что воздуха в лёгких катастрофически не осталось. Этот голос не успокаивал. Он придавливал. Он заставлял замереть, как замирает зверь под тяжёлой лапой.

— Что... что происходит?! — выдохнула я, судорожно вжимаясь затылком в жёсткую подушку и пытаясь сдёрнуть юбку обратно вниз. Пальцы дрожали, не слушались, цеплялись за грубую ткань.

— Успокойся, это лекарь, — ответил Кандер. Голос его звучал ровно, но ладонь с плеча он снимать не спешил, пальцами ощущая дрожь моего тела. Словно проверял, не сорвусь ли я в новую панику.

— Я лишь проверял ушибы, миледи, — подал голос сухонький, сгорбленный старик в тёмном балахоне, убирая свои холодные пальцы от моих ног и неторопливо вытирая их промасленной тряпкой. — Кости целы, обошлось синяками, ссадинами растяжением на правой лодыжке. Я обработал травмы господин.

— Хорошо. Идём, — сухо отрезал Кандер.

Он наконец отпустил моё плечо, но остаточное ощущение его тяжёлого тепла всё ещё горело на коже, словно клеймо.

Я всё ещё чувствовала его пальцы — не физически, нет. Физически они уже не касались меня. Но что-то осталось. Что-то, что жгло изнутри, как угли под пеплом. Я не понимала, что это. Не хотела понимать. Просто лежала, боясь пошевелиться, боясь спугнуть странное, неправильное, тянущее чувство, которое не имело права быть.

— Вы не хотели сначала меня разбудить? — тихо проговорила я. Голос сорвался на хрип — горло пересохло, губы потрескались.

— Хотел, — ответил он ровно. — Но ты отказывалась просыпаться. И я позвал лекаря.

Наши глаза встретились. И в этой короткой, мимолётной встрече было больше, чем возможно было представить.

Всего секунда. Может, меньше. Но я успела увидеть что-то, от чего у меня перехватило дыхание. Не холод. Не расчёт. Что-то другое. Тёмное, глубокое, как омут. Как будто он искал во мне что-то — и не находил. Или, наоборот, находил — и злился на себя за это.

Потом он моргнул — и всё исчезло. Лицо снова стало каменным. Глаза — холодными. Мужчина, который секунду назад смотрел на меня так, будто я была чем-то важным, снова превратился в генерала...

Они развернулись и вышли. Тяжёлая дверь за ними закрылась с глухим стуком.

Я осталась в непроветриваемой комнатухе наедине с молодой, суетливой служанкой. Девушка, до этого тихо ждавшая в углу, тут же подбежала ко мне, держа в руках тяжёлый медный кувшин с парной водой.

18

— Ох, слава богам, с вами всё хорошо! Я так испугалась когда не смогла разбудить вас! — застрекотала она, со всплеском отжимая льняную ткань в тазу. — Нам надо спешить, миледи, ой как спешить!

— Спешить? Куда? — я с трудом села, поджав под себя набитые синяками ноги, и попыталась привести в порядок растрепавшиеся волосы.

— Господин Кандер велел немедленно привести вас в порядок! У нас едва ли есть полчаса!

— Привести в порядок... Он сказал что я должна быть чашницей... Но зачем мне помогать? Я ведь и сама в состоянии... — я недоуменно нахмурилась, наблюдая, как она бережно, но быстро помогает принять ванну.

— Господин приказал так. Сегодня особенный вечер, — служанка понизила голос до таинственного шёпота и боязливо оглянулась на замкнутую дверь. — Поговаривают, завтра начнётся большая охота.

— Охота? На диких зверей? — я нахмурилась.

— Если бы на зверей! — девушка прижала ладони к груди и качнула головой. — Это древняя, жуткая традиция. В королевский лес выпускают диких, необузданных магров. И будущих жён высших чинов.

— Что?! — я замерла, позволяя ей расстёгивать завязки моего платья. — Магры опасны. Я слышала про охоту... но и представить не могла такое...

— Задача мужчин — найти, укротить и приручить и магра... и свою женщину. Показать перед всеми свою силу, власть и доминирование. Это очень жестокий и непристойный обычай. О нём пишут разве что в старых хрониках.

— Но если это лишь фрагменты истории, для чего исполнять это жуткие забытые традиции сейчас? — спросила я, пока служанка помогала мне влезть в новое, простое, но абсолютно чистое тёмно-синее платье из плотного сукна.

— Короли иногда устраивают такое ради забавы и демонстрации мощи среди знати. Участвуют только маги и драконы. Обычные люди там просто не выживут, их магры раздерут в первую же минуту! А сегодня сам Король приехал, чтобы лично открыть охоту среди трёх претендентов.

— И какова награда в таком... соревновании? — я подставила спину, пока служанка ловкими пальцами затягивала шнуровку корсета.

— Ооо... выигрыш очень велик! Тот, кто победит в этой охоте, станет владеть всей страной на один день! Представляете? Целый день абсолютной власти!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.